

Александр Николаевич Чистиков
(Российская Академия Наук,
Санкт-Петербургский институт истории)

Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада России в 1920-е годы: кадры, делопроизводство, образ жизни

В обыденном сознании (и не только россиян) понятие «бюрократия» часто приобретает негативный оттенок. В данном случае этот термин имеет нейтральный смысл и включает в себя, в частности, группу лиц, которых в Советской России 1920-х годов называли ответственными работниками. К ним относились профсоюзные, партийные, кооперативные, советские и хозяйственные работники, отвечавшие не только «за техническое исполнение возложенных на них обязанностей», но и «за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций»¹. В основе этого определения лежат два критерия: должностной и идеологический. Таким образом, ответственные работники составляли высшую часть бюрократии и должны были не только исполнять свои должностные обязанности, но и проводить коммунистическую линию, даже если они не состояли в рядах большевистской партии.

Новая власть, возглавившая Россию в результате Революции 1917 года, нуждалась в сотрудниках, в том числе и на руководящих постах. В качестве основного резерва выступали в основном две значительные группы населения страны: старые (или по определению большевиков – буржуазные) специалисты и рабочие и крестьяне.

В первые годы советской власти в северо-западных губерниях многие должности, особенно связанные со специальными знаниями, занимали старые служащие, имевшие разный управленческий опыт. В течение 1920-х годов политика по отношению к ним носила нередко дискриминационный характер, однако и во второй половине десятилетия в некоторых отраслях они составляли немалую группу. По сведениям о 1012 ответственных работниках Северо-Запада на начало 1927 года больше всего – в процентном отношении – старых служащих оказалось в кредитной, планово-регулирующей,

¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, zesp. 1001, inw. 2, sygn. 384, k. 100.

финансовой и им подобных отраслях, требующих не общего политического развития, а конкретных знаний.

На протяжении десятилетия в партийно-советском руководстве, в том числе на Северо-Западе, увеличивалась доля рабочих и крестьян. Не имевшие ранее управленческого опыта, они оказывались на ответственных постах во многом благодаря целенаправленной политике новой власти, поскольку строящееся государство изначально объявлялось государством рабочих и крестьян.

В меньшей мере исследователи обращали внимание еще на две группы потенциальных рекрутов во власть. Одна из них – профессиональные революционеры, обладавшие управленческим опытом, но весьма специфическим и только в области партийно-политической. Придя к власти в 1917 году, они в большинстве своем оставались в ней и много позже. Так, из 142 членов Петербургского комитета РСДРП(б) 1917 года примерно 40% спустя десятилетие сохранили свои посты на всесоюзном или губернском уровнях², оказывая реальное влияние на политическую жизнь в стране. Особенностью Северо-Западного региона являлось сосредоточение подавляющего большинства бывших подпольщиков в Петрограде (Ленинграде) по сравнению с другими губернскими центрами.

Наконец, к четвертой группе нужно отнести лиц, которые до революции не занимались управлением профессионально, однако их образованность стала пропуском во власть. Это интеллигенция, духовенство, бывшие дворяне, военные. О их численности в губерниях Северо-Запада нет точных данных, но фактический материал показывает, что это не было единичным явлением.

Не все из управленцев удовлетворяли тем критериям, которые советская власть ставила перед своими работниками. Эти требования можно свести к двум основным условиям: идеологическая поддержка действий новой власти и рабоче-крестьянское происхождение. Именно для этого еще в годы Гражданской войны начинается строительство системы обучения кадров – в виде разных типов (ступеней) советско-партийных школ. На Северо-Западе особое положение среди них занимал Рабоче-крестьянский университет имени Зиновьева. С самого начала он являлся учебным заведением всероссийского, а затем и всесоюзного масштаба, что отличало его от остальных областных комуниверситетов страны и ставило в один ряд с главным учебным заведением такого типа – университетом имени Свердлова в Москве.

Несмотря на классовый подход при приеме курсантов, доля служащих среди «зиновьевцев» на протяжении 1920-х годов оставалась значительной. Это очень показательный момент. С одной стороны, наличие немалого числа служащих, стремящихся сделать административную карьеру, рвущихся во

² А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада Советской России 1920-х годов*, Sankt Petersburg 2007, s. 82.

власть, с другой – понимание партийным руководством того, что в противном случае качество подготовки новых управленцев резко снизится из-за низкого образовательного базиса курсантов. Вместе с тем для всех комуниверситетов, включая и Зиновьевский, была характерна тенденция, выявившаяся в течение 1920-х годов: постепенное снижение начальной карьерной планки для выпускников с губернского до районного уровня. Первый административный голод был утолен, и требовалось укрепление низового аппарата. Во второй половине десятилетия изменилась и специализация теперь уже бывшего Зиновьевского университета: большинство выпускников ехали в сельскохозяйственные районы, как того требовала набравшая обороты коллективизация.

Борьба за классовую чистоту управленческих рядов породила такое явление как выдвигенчество – добровольно-принудительное делегирование рабочих и крестьян во власть. Впрочем, в начальные годы нэпа, как отмечают современные исследователи, процент служащих и интеллигенции среди выдвигенцев в целом по стране был велик³. Иной характер приобрело выдвигенчество с весны 1924 года – после объявления «ленинского призыва». В первую очередь рекомендовалось выдвигать «рабочих от станка». Но рассылка партийными и советскими органами множества циркуляров о содействии этому движению заставляет задуматься над эффективностью процесса. К концу 1920-х годов центральная власть признала фактически провал кампании: доля выдвигенцев в общем составе кадров государственного управления не превысила 6%. Аналогичных сведений по Северо-Западу пока найти не удалось, однако фактический материал позволяет сделать три предварительных вывода. Во-первых, в этом регионе выдвигенцев было также немного, во-вторых, не все из них были рабочими, в-третьих, в управленческой иерархии они занимали, как правило, места заведующих отделами и другими небольшими подразделениями, заместителей или помощников руководителей некоторых учреждений, а также инструкторов. Добавим к этому, что многие рабочие, выдвинутые на ответственную работу, стремились вернуться обратно, не желая быть бесполезными и, к тому же, терять в зарплате. Вопрос о компенсации не был решен до конца 1920-х годов. Бюро Ленинградского обкома поручило 14 декабря 1929 года фракции ВКП(б) облисполкома выяснить во ВЦИК: из каких средств надо доплачивать выдвигенцам⁴.

Важной стороной кадровой политики советской власти был учет и распределение ответственных работников. Благодаря принятым в первой половине 1920-х годов документам возникла система учета не только в

³ В.П. Пашин, Ю.П. Свириденко, *Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания*, Moskwa 1998. С. 147.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга, zesp. 24, inw. 1, sygn. 155, k. 118.

партийной, но и в других сферах государственной и общественной жизни. Была достигнута главная цель – кадровая политика сосредоточилась в руках партийных органов. Внутри этого периода рубежными для учетной политики можно назвать три даты. В 1922 году списки резерва ответственных работников были разделены на две группы: резерв ЦК и губернский. Такую, кажется первую, дифференциацию бюрократов по степени их важности для центра и мест, можно считать предтечей номенклатурных списков. Последние появились в 1923 году – также рубежном по мнению многих историков, поскольку номенклатурный принцип оставался отныне незыблемым на протяжении всего существования Советского государства. Наконец, нельзя не упомянуть о 1925 году, когда был сформирован первый список выборных должностей, претендентов на которые утверждали специальные комиссии, выделенные ЦК ВКП(б). Появление этого (а в дальнейшем и других подобных ему) документа свидетельствовало об уничтожении провозглашенных Конституцией СССР 1924 года демократических принципов формирования органов власти и управления.

Становление и развитие системы учета ответственных работников в Северо-Западном регионе шло в русле общероссийской, затем общесоюзной политики. Правда, реальная работа ряда губернских отделов и подотделов учета началась не в годы Гражданской войны, а позднее. Немаловажным также представляется обстоятельство, вытекающее из изучения материалов аттестационных комиссий, оценивавших деятельность ответственных работников губернского и уездного масштаба для последующего прикрепления их к специальным квалификационным группам. Комиссии фиксировали не только количественные показатели, но и качественные признаки каждого конкретного управленца: его административные и организаторские способности, умение владеть собой, отношение к подчиненным и т.п.

Вопрос о классовом характере власти весьма болезненно проявлялся и в области учета. Целенаправленная политика выдвижения рабочих на ответственные посты, как уже упоминалось, давала незначительный результат, поэтому партийные органы одновременно двигались по другому, довольно неожиданному пути – по пути расширения определения «рабочий». Итоговым документом для 1920-х годов можно считать постановление ЦК ВКП(б) от 13 марта 1928 года «Об определении социального положения коммунистов и принимаемых в партию»⁵. В Ленинградской области оно было разослано всем окружным и районным комитетам партии в виде циркуляра областного комитета ВКП(б). ЦК определял рабочими лиц, которые были рабочими или стали ими. Отсюда вытекает абсурдный с точки зрения обычной логики вывод: не каждый нынешний руководитель есть служащий по социальному положению (даже не происхождению!). Трудился когда-то ответственный работник у станка – и остался на всю жизнь рабочим. К этому

⁵ А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада...*, s. 153-154.

надо добавить, что в выпедшем в 1928 году «Словаре занятий лиц наемного труда»⁶ список рабочих профессий был расширен по сравнению с предыдущими аналогичными справочниками. Подобные толкования свидетельствовали, что служащие по социальному происхождению и социальному положению упорно и настойчиво стремились не только в партию коммунистов, но и на руководящие посты. Эта тенденция, обозначившаяся в годы Гражданской войны, оставалась устойчивой и в конце 1920-х годов.

Оборотной стороной учета была распределение ответственных кадров, которым на губернском уровне ведали не простые сотрудники соответствующих отделов и подотделов, а «первые лица». В Северо-Западном регионе эту работу выполняло Северо-Западное бюро ЦК ВКП(б). Состояние с кадрами в первой половине 1920-х годов на этой территории, за исключением Петрограда и Петроградской губернии, было неблагоприятным. Особенно это относилось к Мурманской губернии, где в первой половине 1923 года секретарь губкома совмещал девять ответственных постов, включая должности заведующих всеми отделами губкома и председателя губисполкома⁷. Во второй половине десятилетия положение выправилося. В «Справочнике ответственных работников по Северо-Западной области...» на начало 1927 года из 1111 должностей вакантными оставались всего семь. Но при этом переборски – принудительное движение по орбите власти – часто применявшиеся во время Гражданской войны, оставались обычным делом и в это десятилетие. Как правило, секретари губкомов и председатели губисполкомов Северо-Запада находились на своих местах непродолжительное время.

Вместе с тем перемещение ответственных работников вышестоящими партийными органами имело свои закономерности. Попавшие в систему власти бюрократы передвигались, за редкими исключениями, в ее пределах: либо по горизонтали, либо по вертикали. Даже деятели «новой оппозиции», подавляющее большинство которых работало в Ленинграде, Мурманской, Новгородской и Ленинградской губерниях, потеряв свои посты в начале 1926 года, остались на руководящих должностях. Поворот обозначился в 1927-1928 годах, когда оппозиционеров начали арестовывать и отправлять в ссылку. Одна из причин такого изменения кадровой политики заключалась, на наш взгляд, в том, что партийный аппарат на протяжении десяти лет занимался исключительно насыщением ответственных постов своими сторонниками и не задумывался над методами демократической ротации кадров. Вместе с тем подрастало новое поколение, жаждавшее власти, потому и приходилось часто действовать радикальными методами.

⁶ *Словарь занятий лиц наемного труда. Пособие для работников ячеек и комитетов ВКП(б) при определении рода занятий коммунистов и принимаемых в партию, Moskwa 1928.*

⁷ А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада...*, с. 159.

Что представлял собой ответственный работник Северо-Запада 1920-х годов? Сведения из уже упоминавшегося «Справочника ответственных работников по Северо-Западной области...»⁸ о 1012 бюрократах, занимавших к началу 1927 года ответственные посты в 14 отраслях хозяйства, исключая науку и культуру, позволяют определить преобладающий тип руководителя⁹. Для этого были использованы относительные данные (в процентах), причем учитывались один или несколько самых больших показателей, в сумме превышавшие 50%. Подсчеты показывают, что среднестатистическим ответственным работником был женатый мужчина 30-39 лет, из служащих, с низшим или средним образованием, беспартийный или коммунист с 1918-1920 годов, имеющий на иждивении 2-3 человек¹⁰. Не останавливаясь подробно на всех характеристиках, отметим две особенности. Во-первых, преобладание служащих среди бюрократов Северо-Запада означало, что процесс пролетаризации руководящего аппарата был далек от завершения. Во-вторых, наличие среди управленцев значительного количества лиц не только с низшим, но и со средним образованием заставляет усомниться в категоричности бытующего до сих пор тезиса о малограмотности новых руководителей¹¹.

Определенная преемственность между старой и новой властью наблюдалась не только в составе ответственных работников, но и в делопроизводстве. Большевики использовали традиционные виды информационных связей. В первые годы советской власти успешное развитие таких связей осложнялось, как минимум, двумя обстоятельствами: отсутствием четкого представления о том, какого рода данные нужны, и помехами в своевременном получении сведений, вызванными недостатком или низкой квалификацией кадров, техническими, транспортными и иными причинами. В 1920-е годы шла более активная, чем раньше, работа по развитию способов получения информации. Частыми и привычными стали совещания с местными руководителями и поездки ответственных работников на места. В Северо-Западном бюро ЦК ВКП(б), как и в остальных областных бюро, появились ответственные инструкторы. Тем самым вводился территориальный метод сбора сведений и установления связи.

Важнейшим способом распространения информации оставалась рассылка делопроизводственных документов и печатных изданий. Наряду с

⁸ Pełna nazwa dokumentu: «Справочник ответственных работников по Северо-Западной области, входящих в номенклатуру Северо-Западного бюро ЦК и учитываемых учетным подразделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). По состоянию на 1 января 1927 года». Znajduje się on w: Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (zesp. 9, inw. 1, sygn. 2346, k. 53v. - 80).

⁹ Szczegółowa analiza danych zawartych w tym dokumencie patrz: А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада...*, s. 194-219.

¹⁰ Wykorzystywanie nie jednego ale kilku kryteriów prowadzi do wariacji we wnioskach ogólnych.

¹¹ Ze 1012 pracowników niższe wykształcenie posiadało 41,5%, średnie - 28,8%, absolwenci wyższych uczelni stanowili ponad ćwierć - 26,6% (Patrz: А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада...*, s. 218).

привычной схемой, когда каждая нижестоящая организация посылала в вышестоящую копии определенных документов, с конца 1923 года для ЦК РКП(б) и областных бюро были определены некоторые райкомы, укомы и ячейки, которых обязали направлять «наверх» копии всех информационных и статистических материалов. На Северо-Западе для ЦК такими «контрольными органами» стали три райкома Петрограда, по одному укому из Новгородской, Петроградской, Псковской, Череповецкой губерний и Карелии. Северо-Западное бюро получало полные сведения из 13 уездных, 5 районных и 22 волостных комитетов партии. Обрушившийся на центральные и региональные органы вал информационных материалов привел к обратному результату: эффективность поступающих сведений резко снизилась. Во второй половине 1920-х годов центральные партийные органы пошли на сокращение письменной отчетности, однако реального перелома добиться не удалось.

Важной составляющей частью партийного и советского делопроизводства являлось наличие секретных материалов. Формирование режима секретности началось в годы Гражданской войны, но оформление ее в систему произошло в 1922-1923 годах, когда были приняты основные документы на высшем государственном и партийном уровне.

Обладание тайной делило население страны на посвященных и непосвященных. Однако водораздел проходил не только между рядовыми жителями и руководителями, но и среди ответственных работников. Как правило, обладатель более высокой должности получал и более секретную информацию. Вместе с тем из-за внутрипартийной борьбы этот бюрократический принцип иногда нарушался.

Дискуссионной остается проблема доступа к секретной информации в 1920-е годы. Одни историки говорят об ужесточении¹², другие, наоборот, о девальвации режима секретности¹³. На наш взгляд, эволюция системы секретного делопроизводства не была прямолинейной, а носила сложный, порой противоречивый характер. С одной стороны, список лиц, посвященных в тайну, с течением времени увеличивался. Если в заседаниях бюро Петроградского губкома партии в 1923 году кроме членов бюро участвовали только «постоянно присутствующие на бюро члены губкома», то спустя четыре года в протоколах бюро Ленинградского обкома ВКП(б) постоянно упоминаются члены и кандидаты в члены бюро, члены обкома и областной контрольной комиссии. С другой стороны, расширение списка материалов, подпадающих под разряд секретных, приводило к выделению уже среди них разных степеней секретности: «не подлежит оглашению», «секретно»,

¹² Patrz: Г. Адибеков, Л. Роговая, Л. Кошелева, *Протоколы Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) как исторический источник*, [w] *Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919-1952. Каталог*, t. 1. 1919-1929, Moskwa 2000, s. 22.

¹³ М.В. Зеленев, *Аппарат ЦК РКП(б)-ВКП(б): цензура и историческая наука в 1920-е гг.*, Niżny Nowogród 2000, s. 140.

«совершенно секретно» и т.д. В 1923 году в материалах Политбюро ЦК РКП(б) закрепляется новое понятие: «особая папка». В документах Ленинградского обкома партии оно появляется впервые, по-видимому, в 1929 году¹⁴.

Особенность советской системы управления состояла в формировании секретности партийно-государственного типа. Засекречивание определялось уже не только государственной необходимостью, но и интересами партийно-государственной бюрократии.

Еще одной сферой, где заметно проявлялось различие между рядовыми и ответственными работниками, был быт. Неравенство, обозначившееся уже в первые месяцы после Октября 1917 года, на этапе Гражданской войны стало нормой. Правда, в 1920 году в партийных кругах возникла дискуссия о «верхах» и «низах», однако противников уравнительности оказалось намного больше, и в 1922 году на XII Всероссийской конференции РКП(б) были приняты две резолюции, закрепившие официально и в масштабах всей страны привилегии для ответственных работников. Льготы не были едиными для всех и зависели от положения управленца в партийно-государственной иерархии.

В начале 1920-х годов, пожалуй, самым важным в бытовой сфере оставалось продовольственное снабжение. Еще в годы Гражданской войны партийно-государственная бюрократия получала пайки больше, чем многие остальные категории населения. В то же время и внутри правящей группы существовала дифференциация. Эти критерии распределения продуктов сохранились и в период нэпа. Они регулировались в самом общем виде на государственном уровне. На местах это различие заметно углублялось. К примеру, в конце 1921 года часть руководящих работников советских органов Петрограда получала пайки «по нормам исполкома», «нормам отдела семейных». Как явствует из названий, здесь учитывались и должность, и семейное положение. Привилегированным для бюрократии было и общественное питание. Особенно его роль возросла после отмены карточного и других видов государственного снабжения. Наличие закрытых столовых и буфетов позволяло избавляться от нежелательных и случайных посетителей, а также обеспечивать постоянный контингент качественными и дешевыми обедами. К тому же закрытость, вызванная на первых порах нехваткой продовольствия, сразу и особенно впоследствии рассматривалась как принадлежность к власти или приобщение к ней.

Не всегда по количественным нормам получения тех или иных вознаграждений, управленческая бюрократия оказывалась на первом месте. Так, в середине 1920-х годов предельные ставки ответственных работников были заметно ниже персональных окладов специалистов, правда, при этом существенно превышали заработную плату остальных групп советских

¹⁴ А.Н. Чистиков, *Секретное партийное делопроизводство 1920-х гг.: становление и эволюция*, [w] *История России: исследования и размышления. Сборник статей к 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Валентина Михайловича Ковальчука*, Sankt Petersburg 2006, s. 131-132.

граждан. Если в 1925 году специалисты получали до 360 рублей в месяц¹⁵, то ответственный работник высокого – 17-го – разряда – всего 192 рубля. При этом средняя заработная плата ленинградских рабочих в первом квартале 1926 года составляла лишь 57 рублей 10 копеек¹⁶. К середине этого десятилетия были установлены основные принципы оплаты управленческой бюрократии, и далее они изменялись в зависимости от разных условий.

Жилищные проблемы по большей части, по-видимому, решали местные, а не центральные власти. Во всяком случае, они выбирали места для размещения руководящих работников. Одним из принципов расселения стал «гнездовой», когда ответственные работники поселялись в одном или нескольких домах. Особенно это проявилось в Петрограде (Ленинграде), где в годы Гражданской войны своеобразными кондоминиумами бюрократии стали Смольный и гостиница «Астория», а с 1923 года – жилой комплекс из трех смежных домов на Петроградской стороне города. В середине десятилетия часть ответственных работников Новгорода облюбовала в качестве жилья местный Кремль, где располагались почти все губернские учреждения. В других губерниях Северо-Запада, по всей вероятности, управленцы по разным причинам не создавали отдельные бытовые «островки». Отметим, что традиция «гнездового» принципа расселения впоследствии была поддержана созданием специальных «обкомовских» и «горкомовских» домов.

В годы нэпа на первые позиции выдвинулся вопрос об отдыхе и лечении ответственных работников. Вспыхнувший интерес объяснялся необходимостью снять усталость, которая накопилась за годы борьбы с антибольшевистскими силами, голодом, блокадой и т.д. Почти сразу же ЦК РКП(б) предложил создавать специальные дома отдыха и здравницы для бюрократического руководства. В полной мере здесь проявился дифференцированный поход к различным слоям управленцев. Наряду с должностным критерием иногда применялся и другой – партийный стаж. Когда в Северо-Западное бюро ЦК РКП(б) стали приезжать работники комитетов партии северо-западных губерний с просьбой направить их в Ревельский дом отдыха, это вызвало переполох в аппарате бюро. Из Москвы поступило срочное разъяснение о том, что за границу нужно посылать «исключительно ответственных парттоварищей со стажем до Октября 1917 года и только для отдыха, а не лечения»¹⁷. Своя градация для мест отдыха и лечения устанавливалась и внутри страны. Курсантам Зиновьевского университета не нашлось места в южных здравницах, бывших народовольцев отправили не в Левашовский санаторий для петроградских управленцев, а в

¹⁵ Л.И. Пыстина, *«Буржуазные специалисты» в Сибири в 1920-е – начале 1930-х годов (социально-правовое положение и условия труда)*, Nowosibirsk 1999, s. 81, 82.

¹⁶ А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада...*, s. 231-232.

¹⁷ Сут. за: А.Н. Чистиков, *Партийно-государственная бюрократия Северо-Запада...*, s. 249.

санаторий «Преображенка»- рангом пониже. Однако должностной принцип выдерживался не всегда. ЦК РКП(б) летом 1922 года в специальном циркуляре критиковало губкомы и обкомы за то, что они направляют на южные курорты рядовых работников или родственников ответственных работников. Подобные факты отмечались и в материалах Петроградской губернской контрольной комиссии в том же году. Все же и позднее в санаториях оказывалось немало «случайных» людей.

Одним из элементов образа жизни партийно-государственной бюрократии было девиантное поведение многих ее представителей. В 1920-е годы к пьянству, взяточничеству и служебным злоупотреблениям, нередко наблюдавшимся в годы Гражданской войны, добавились «онэпивание, хозобрастание и излишества», порожденные «соблазнами нэпа». Наказания за эти и другие провинности и преступления были различными, опять-таки, для руководства и рядовых служащих и для разных уровней ответственных работников. Заместитель заведующего организационным отделом губернского отдела одного из отраслевых профсоюзов Ленинграда, обвиненный «в ночном кутеже с девицами и катании на моторе» (автомобиле. – А.Ч.), был снят с ответственной работы и исключен из партии на полгода. И всего лишь выговор с предупреждением получил председатель Петроградского райсовета И.П. Корчагин, отделивший собственную квартиру за счет райисполкома.

Чрезвычайно болезненной оказалась проблема установления судебных привилегий для бюрократии. На протяжении 1920-х годов в высших советских и партийных инстанциях неоднократно принимались документы порой взаимоисключающего характера: либо устанавливающие подобные привилегии, либо запрещающие их. Однако важнее было то, что с появлением номенклатурных списков кандидатуры губернских прокуроров и иных судебных работников также подлежали утверждению партийными структурами или согласованию с ними, что давало власти дополнительный рычаг давления на органы юстиции¹⁸

Анализ различных сторон жизни ответственных работников Северо-Запада показывает, что система льгот для партийно-государственной бюрократии в основном сложилась еще в годы Гражданской войны. В период новой экономической политики она модифицировалась и дополнялась новыми элементами. Привилегии носили дифференцированный характер и были тесным образом увязаны с должностным уровнем, а иногда и с партийным стажем бюрократа. В некоторых случаях, например при составлении тарифной сетки оплаты труда, в качестве дополнительного критерия выступало географическое положение управленческой структуры. Существенным при получении привилегий бытового уровня являлся

¹⁸ А.Н. Чистиков, «Надо арестовывать осторожно»: судебная ответственность советской бюрократии 1917-1920-х гг., [w] *Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории*, Sankt Petersburg 2008, s. 132.

личный фактор, который нередко оказывался сильнее формальных правил и решений.

Подведем итоги. На протяжении 1920-х годов в партийно-государственном аппарате шла постоянная борьба за классовую чистоту руководящих рядов, но добиться рабоче-крестьянского превосходства так и не удалось. Служащие, видимо, составляли большую часть ответственных работников, поэтому говорить о диктатуре пролетариата (во всяком случае, на региональном уровне) не представляется возможным.

К концу 1920-х годов в Северо-Западном регионе Советской России сложилась система управления, для которой были характерны следующие черты: наличие официальной процедуры подготовки должностных лиц, рутинный характер деятельности, отделение аппарата власти и управления от общества. Добавим, что структура государственных и партийных органов была иерархической с определенными рамками компетенции на каждом уровне. Эти признаки характерны именно для бюрократической системы управления, поэтому можно определенно утверждать, что такая система была создана на региональном уровне к концу десятилетия.

Streszczenie

Aleksandr Nikołajewicz Czysztikow

Partyjno-państwowa biurokracja północno-zachodniej Rosji w latach 20-ch XX wieku: Kadry, system kancelaryjny, styl życia

W latach dwudziestych XX wieku w partyjno-państwowym aparacie stale prowadzono wojnę o klasową czystość szeregów kierowniczych, ale osiągnąć panowania chłopo-robotniczego i tak się nie udało. Urzędnicy wyraźnie stanowili większość wśród kadry kierowniczej, dlatego też mówienie o dyktaturze proletariatu (nawet na poziomie regionalnym) jest zupełnie nieuprawnione.

Summary

Aleksandr Nikolaevich Chistikov

Party and state bureaucracy Northwest Russia in the 2-nd decade XX century: personnel, office system, lifestyle

Throughout the 1920s in the party-state apparatus was a constant struggle for the class purity of the governing ranks, but worker-peasant superiority whatever failed to achieve. Officials apparently were greater part of decision-makers, so talk about the dictatorship of the proletariat (at least at the regional level) is not possible.